

Юрий Ненев

АНТИКОММУНИСТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Ненев

АНТИКОММУНИСТ

«Автор»

2026

Ненев Ю. В.

Антикоммунист / Ю. В. Ненев — «Автор», 2026

Канун шестидесятилетия Великой Октябрьской Социалистической Революции. СССР находится на пике своего могущества, но внутри атланта уже начинают появляться первые, невидимые для большинства трещины. За спиной стареющего, неизлечимо больного генерального секретаря Леонида Брежнева уже в разгаре идёт борьба за власть между лидерами МВД и КГБ. В это время в одном из городов Подмосковья начинают происходить теракты. Неизвестные злоумышленники на месте преступления оставляют издевательские послания, направленные против советского строя и руководства. По следам террористов тут же пустились враждующие между собой чекисты и милиционеры. Кто из них быстрее доберётся до террористов-антисоветчиков?

© Ненев Ю. В., 2026

© Автор, 2026

Юрий Ненев

Антикоммунист

Глава 1

Он нервно смотрел в черно-белый экран телевизора. Очередной телеспектакль: мужчина с отвращением поморщил губы и щелкнул переключателем на другую программу – теперь суховатый голос что-то рассказывает о каких-то формулах, графиках и вычислительных машинах. Вот университетская доска, исписанная вдоль и поперек непонятными значками, загадочными рядами цифр, перемешанными с буквами, бесконечными стрелочками. Да и этого безобразия мало – молодые люди в очках с роговой оправой что-то ещё дописывают. Это смотреть невыносимо: он повернул рубильник телевизора еще. На этот раз мужчина попал на довоенный комедийный фильм, где на экране актеры с напудренными лицами кривлялись и ломались, совершая нелепые ужимки – должно быть именно над этим и нужно смеяться. Мужчина тяжело выдохнул и опять повернул рубильник: репрессивная политика Пиночета в Чили и западно-германские террористы. Что-то и тут не пошло: зрителю пришлось опять щелкать переключателем – и тут он снова попал на дурацкий телеспектакль. «Уж лучше про Чили буду смотреть» – подумал мужчина, и, по полной провернул динамо-машину телевизора. Ряды голодных, прозябших чилийцев, кутающихся в пончо, студенты, закидывающие камнями пожарные машины с водомётами, шпили католических соборов на фоне голых сопот Андских гор. Затем сюжет кончился, теперь диктор перешел к теме проблем ФРГ. Привычное описание этой страны: безработные, жующие жвачку, бастующие студенты и рабочие, на карте западной Германии тут и там вспыхивают лампочки – места, где американская военщина развернула боеголовки ракет на страны Социалистического лагеря. После этого на экране замелькали фигуры местных длинноволосых хиппи в рубашках-размахайках и джинсах-клёш. Мужчина не сразу понял для чего в сюжет об империализме, подмявшем ФРГ, показывают неформалов, но диктор тут же пояснил, что в условиях отсутствия социальной политики и социальных перспектив для граждан зарождается такое явление как терроризм. К словам диктора тут же, как иллюстрации, появляются кадры с мест взрывов, захваченные пассажирские авиалайнеры и, снятые крупным планом, разбросанные по асфальту патронные гильзы. Впрочем, телепередача не продлилась долго: диктор попрощался со зрителями, а дальше начался немой чехословацкий мультфильм. «На сегодня хватит» – подумал мужчина и погасил экран телевизора. Его внимание привлекла газета с кроссвордом. Он вернулся к своему креслу, взял газету, и на том же журнальном столе нащупал карандаш. Чем еще заниматься поздним октябрьским вечером, когда за окном по металлическому карнизу стучат капли занудного осеннего дождя, а порывы холодного ветра швыряют ветви крон деревьев в оконные стёкла?

- Вместо того, чтобы ковыряться в носу, лучше бы помог мне разгрести эту гору вещей. – С укоризной в голосе произнесла женщина, которая целый вечер копалась по шкафам, перебирая и перекладывая с места на место вещи.

- Влада: я когда возвращался домой, видел два серых металлических бака – предлагаю туда загрузить все это барахло. – ответил мужчина, расхохотавшись над собственной шуткой.

Женщина как будто бы не заметила этой ироничной фразы. Она повернулась к мужу, откинула локон мелированных пергидролом волос, и, уперев руки в боки, продолжала:

- Между прочим, Стас, если бы не я, то представить страшно, в чем бы сейчас ходил: всю одежду, которую ты носишь, купила тебе я.

- Не обижайся... я пошутил. Просто ты сегодня, с момента, как пришла, возишься с этими тряпками. И так до ночи! – Мужчина подошел к женщине, приобняв ее за плечи.

- А я тебе куртку заказала! – тут же похвалилась жена. – Подруга на выбор дала сразу две: вот, примерь пожалуйста.

Так Станислав увидел перед собой две летние джинсовые куртки: одна из темной ткани, другая из светлой. Мужчина пощупал их, подергал металлические пуговицы, проверяя их на прочность.

- Ты примерь, говорю! Сними кофту! – настаивала жена, нетерпеливо принявшаяся расстегивать мужу молнию спортивного костюма. – Вот эта светлая – это болгарская, а эта прям за граница – финская! Подруга индийскую джинсу предлагала, но я что-то не стала брать: и ткань не та, да и тебе на животе будет тесно.

- Светлая – ничё так... сойдет... - Станислав никогда не был щедр на комплименты, поэтому если и хотел их произнести, то делал их, цедя сквозь зубы, как бы нехотя. – И в плечах хороша, и руки в ней сходятся... карманы стеганные...

- Бери! – Обрадовалась женщина. В ее голубых глазах даже блеснул огонек радости. – Ты финскую примерь тоже. Это же Финляндия – настоящая. По секрету скажу, что в джинсовые костюмы именно этой фирмы будет одета наша олимпийская сборная.

- Да ну! Опять байка! – не верил Станислав.

- Маша, между прочим, не где-нибудь, а во Внешторге работает: она знает, что говорит. Уже даже договор с финнами заключили.

- Эта тоже неплохая. Швы крепкие, прострочка интересная. – прокомментировал куртку Станислав, крутясь перед зеркалом на внутренней стороне дверцы гардероба.

- Тогда и эту берём! – улыбнулась жена.

- Что? Две сразу? Влада, я понимаю, что ты стоматолог, но всё же... соришь деньгами!

- Финская стоит восемьдесят пять рублей, а болгарская шестьдесят. Маша согласилась уступить: финскую готова отдать за шестьдесят, а за болгарскую только сорок возьмет. Итого всего сотка за обе импортные куртки выйдет.

- Ну, тогда ладно! Покупай, если решила. – смирился муж.

- А это еще не всё! Я себя же должна порадовать: югославскую сумку из крокодила заказала и две пары вьетнамок.

- Влада... сумка из югославского крокодила?

- Нет, Стас! Опять ты надо мной смеешься! Югославы просто шили из крокодильей кожи. А откуда они ее взяли – этого я тебе сказать не смогу: может кубинский крокодил, может, еще какой-нибудь.

- А очередные вьетnamки тебе зачем? У тебя же есть уже, и ты в них этим летом на юге отдыхала.

- То были другие: под плетенье сшиты. А эти под мои два платья. Вьетnamки с салатовой полосой на ремешках – это под салатовое платье, а с красной полосой – под то, цвета помидора, которое тебе понравилось. Следующим летом у меня должны быть вьетnamки под каждое платье: а то получается у меня только плетеные остались, а синие порвались... жалко... на смену надеть нечего.

Стас, даже не начинай: я вижу всё по твоему лицу. Не забывай, что я не только зарабатываю больше тебя, мне еще и жесты благодарности преподносят. Вьетnamки по шестьдесят рублей придется покупать: нужно было пораньше брать, когда по сорок пять предлагали. Ну и ладно... пёс с ними! Через год еще больше цену заломят, поэтому нужно брать, когда летний сезон закончился. А крокодиловая сумка? Двести... сейчас все наши будут за нее дополнительно выкладывать: боюсь, что через неделю-две Машка уже триста рублей назначит.

- Двести! Едрит твою! Это же моя зарплата майора плюс праздничная премия к ней! – охнул Станислав.

- У вас в милиции зарплаты тоже растут, так, что не переживай. Плюс премии на руки часто выдают.

- Ну! Двести – это месячный потолок. А вот у вас в клинике дантисты аж по двести восемьдесят получают, причем это без премиальных. Может, я рапорт напишу и медбратом к

тебе устроюсь? А? Влад? Ты будешь зубы сверлить, а я плевки в лоточке уносить: глядь – а там в слюнях брюлик или кольцо от благодарного пациента. Полагаю, что ваш младший персонал – не бедствует.

- А я тебе о чем? На крокодиловую сумку уже старшая медсестра глаз положила. Ну, как это так? Какая-то медсестра будет моднее врача. Ты бы как перенес, если бы какой-нибудь твой патрульный сержант на «Волге» катался, а ты, начальник городской милиции, офицер – на «Запорожце»?

- Это ты права. Бери! Что я могу сказать?

Вечер все больше сгущал темноту. В спальне горел оранжевый свет ночника, бросающий круги за желтоватые обои. Владислава читала маленькую потрепанную «самиздатовскую книжицу». Женщина так погрузилась в увлекательный сюжет, что порой перечитывала одну и ту же страницу по нескольку раз. В ее воображении печатный текст превращался в красочное зрелище: сияющий золотыми канделябрами Версаль, регулярные французские парки, балы, роскошные картины и мраморные скульптуры. Но больше всего ее увлекало описание знаков внимания между мужчинами и женщинами, нескромные сцены объятий, поцелуев и откровенно развратные игрища. Владиславе хотелось прожить жизнь этих героинь, погрузиться в эти сладкие страсти. Она уже представляла себя французской дамой 18-го века в пышном платье с полным декольте, красующейся напудренными белыми плечами и игриво приоткрытыми розовыми сосками груди, которые она то загораживала веером из перьев экзотических птиц, то мельком демонстрировала мужчинам. Владислава вспыхнула жаром от описания эротических сцен, по ее лбу и телу потекли капельки пота. Она откинула от лица локон волос, затем принялась гладить свою шею, грудь.

В это время Станислав был занят чтением романа о пиратах. Он вообще любил приключения и острые сюжеты: наверное, поэтому, по возвращению из армии, когда ему предложили работать в милиции – не раздумывая, согласился. А тут еще пираты – самая увлекательная тема его детства и юности. Хотя действия романа происходили на островах Карибского моря, в представлениях Станислава всплывали образы родного рабочего поселка Дзержинский, его песчаные дюны, зеленые леса на них, каменоломни, карьеры. В тех местах светлый, почти белый песчаник начали добывать еще в конце прошлого века, выкопав два больших карьера. Со временем они начали заполняться грунтовыми водами – так в окрестностях города появились два громадных пресноводных озера, соединенных между собой узким проливом. Именно близ Дзержинского и прошло детство Станислава: тут он вместе с мальчишками играл в пиратов и красноармейцев. Посреди одного из затопленных карьеров есть большой песчаный остров, соединенный с большой землей узкой косой, которая временами тоже затапливалась. Таким образом, этот полуостров иногда превращался в полноценный остров, хотя до него можно было пройти вброд по косе, скрытой под водой. Чем только не был этот остров в играх мальчишек: и экзотической островной базой «пиратских кораблей» - самодельных плотов, на которых плавали по карьере, и сказочным Таити чарующих южных морей, и островом в Аральском море, где располагались наблюдательные посты красноармейцев, наблюдавших за «басмачами» - командой противника, которая в свою очередь скрывалась в зарослях крутых берегов карьера. Станислав и сейчас частенько бывает в Дзержинском, гуляет вместе с женой Владиславой, которая тоже родилась в этом же рабочем поселке, по берегам карьера, вспоминая детство. Как и в далекие пятидесятые годы это место влечет романтически настроенную ребятню: но теперь на острове Каменка уже не посты «красноармейцев», а «китайцев», которые нагло переплывают карьер- «Амур» и нападают на «советских пограничников», скрывающихся на лесных косогорах.

Станислав будто бы магнетически ощутил желания супруги. Он заложил закладку на недочитанной главе, отложил роман о пиратах в сторону и щелкнул пальцами по драной брошюре жены. Владислава не торопилась, но зато Станислав не хотел ждать. Как будто бы стес-

няясь друг друга, они погасили ночник. За окном выл ветер, мокрые ветки березы хлестали по стеклу. А в темной комнате квартиры супругов Новиковых тепло и уютно. Единственное – это нужно снять напряжение, накопившееся за день, и подзарядиться запасом новой – завтра с утра и ей и ему на работу. Так они проводили каждую ночь: от этого раскладной диван уже начал рассыхаться и скрипеть.

Был уже второй час ночи. Станислав крепко спал, в его голове гуляли цветные грёзы ночи. Ядовитый звук телефонного звонка развеял его сны. Аппарат назойливо трещал, вынуждая кого-нибудь из супругов проснуться. Первой не выдержала Влада: она зажгла ночник, поднялась с постели, и, шлепая босыми ногами, по паркету, сонная поплелась в коридор. Через несколько секунд Владислава пришла обратно в комнату, держа в руках аппарат, и, таща за собой из коридора телефонный провод.

«Да, я вас внимательно слушаю» – ответил в трубку Станислав, жмуря глаза от света ночника. Он не мог не принять этот звонок, который поступил даже посреди глубокой ночи: такого его работа – начальника городского управления МВД горисполкома.

- Вы серьёзно? – не веря сказанному, бросил в трубку майор Новиков. – Может, это хулиганы или шпана очередная хлопушку взорвали или школьники со стройки карбид стащили?

Голос захлебывался, рассказывая о происшедшем.

- Да ты что?! Чёрт вас возьми! – протянул в ответ майор. – Еду, ждите!

С этими словами Станислав шлепнул трубку на аппарат и многозначительно поглядел на жену:

- Ты спи: тебе завтра на работу, а у меня, кажется работа уже началась.

Серая «Волга ГАЗ-24», с клопочущим кряхтением мотора свернула из проулка спального массива на прямую, широкую улицу Кирова. Майор Новиков толкнул рычаг коробки на вторую передачу и поднажал на педаль акселератора. Автомобиль ускорил ход, пролетая мимо светящихся неоновым светом фонарей ночных столбов и стоек с щитами, украшенными ко дню Великой Октябрьской Социалистической Революции. Миновав пивнушку, «Волга» майора Новикова сбавила скорость у перекрестка, где у мигающего желтым цветом светофора уже стояла патрульная машина ГАИ. Тормоза автомобиля начальника городской милиции взвизгнули у площадки перед зданием кинотеатра «Юность». Несмотря на ночь, тут царил оживление: подсветка здания все еще горела вместе с фонарями по ее периметру, территорию оцепила милиция. Несколько желтых патрульных машин с синими цветосхемами мигали проблесковыми огнями. Разреженный ночной холодный воздух наполнял треск и глухое бормотание милицейского эфира. Тут же неподалеку притормозили два «РАФика» скорой помощи, в которых при лампах салонного света копошились медицинские бригады. У сквера стоял грузовик ЗИЛ-130 красного цвета с белыми цветосхемами – это были пожарники.

Новиков вышел из своей «Волги», достал из кармана милицейского плаща пачку сигарет и металлическую зажигалку.

- Эээ... эй, майор! Не курить! Здесь, может, еще одна бомба заложена. – остановил Новикова подскочивший из темноты, похожий на космонавта из-за своего шлема и комбинезона, пожарник. Впрочем, майор не успел расспросить пожарника о происшествии: к Новикову подбежал крепкий, пружинистый в движениях человек, одетый в коричневую кожаную куртку, джинсы и осенние туфли. Головного убора он не носил: зализанные назад ярко-рыжие волосы с глубокими залысинами у висков он всегда укладывал лосьоном для волос. Раскрыв кожаную папку, которую он держал подмышкой, старший оперуполномоченный управления внутренних дел солнцевского горисполкома капитан Бабашкин принялся докладывать майору.

- Товарищ майор, наши люди уже почти все осмотрели. Здесь однозначно: сработало самодельное взрывное устройство. Заложено оно было под портрет Леонида Ильича. На месте происшествия обнаружены осколки стекла, фрагменты болтов, гайки, характерная копоть от взрывчатого вещества. Пострадали два человека: местные гопники – одному вышибло глаз и

оторвало пальцы на обеих руках, другой получил ожог глаз, лица и осколочное ранение груди и живота. К счастью, оба остались живы – им сейчас оказывают помощь медики. Пожарные заканчивают осмотр кинотеатра – внутри ничего подозрительного не обнаружено.

- Фухх!!! Хотя без трупов обошлось! – облегченно выдохнул Новиков. – Сейчас нужно вызвать криминалистов и взрывотехников с Петровки. Что насчет кинотеатра? Там есть пострадавшие? Свидетели?

- Взрыв произошел в один час сорок пять минут по местному времени. На момент происшествия кинотеатр уже был закрыт. Из свидетелей... никого. Разве что некоторые моменты можно уточнить у гопников – они в ясном сознании, разговаривают.

- Отлично! Хочу с ними пообщаться.

Майор оглядел ночную улицу: хлопок взрыва и последующая суeta заставили проснуться жителей близлежащих домов, в окнах которых зажегся свет.

- Нужно будет сделать поквартирный обход на Школьной, Северной и Киевской улицах. Дело не из простых – фронт работы довольно велик. Но у нас нет другого выбора - дело явно не из простых. Но, возможно, кто-то из горожан что-то видел. Наше счастье, что это были какие-нибудь хулиганы, которые экспериментировали с самодельной хлопушкой, в противном случае хлопот не оберешься. – добавил Новиков.

Один из патрульных окликнул майора. Новиков подошел поближе, и сержант указал ему на лежащий на плитке площади клочок бумаги. Офицер присел на корточки, подсветил фонарем и прочел: «С шестидесятилетием Октябрьской революции, homo-советикусы!» Опасения Новикова становились всё более реальными. Очевидно, что преступник действовал сознательно, по заранее составленному плану. А самое худшее в этой ситуации, это то, что совершенное преступление несет на себе и политический оттенок. Новиков еще раз осмотрелся кругом: брызги крови, куски разорванной взрывом фанеры, обрывки портрета Брежнева на земле. Майор выпрямился, отряхивая подол плаща, поправил фуражку, и сказал:

- Эту записку сфотографируйте и оформите как вещдок. Не забудьте, как можно раньше взять отпечатки пальцев с бумаги.

Начальник городской милиции не смог удержаться, чтобы не подбежать к машинам скорой помощи. Два раненных молодых человека то смеялись, то грязно бранились – они явно были в шоке. Отплевываясь от крови, и, ревя от боли, они смогли лишь вымолвить, что чисто случайно заметили кошелек, лежавший под портретом Брежнева. Когда один из них поднимал находку, раздался взрыв.

- Куда повезете их? – спросил майор врача скорой помощи.

- В нашу Солнцевскую больницу, что на Больничном проезде через два квартала отсюда.

Не успели отъехать кареты скорой помощи, как перед кинотеатром притормозили две черные «Волги» и один милицкий РАФик. Двери автомобилей синхронно распахнулись и из салонов высыпали люди в милицеской форме. Один из них был генералом с Петровки, срочно выехавший на место происшествия. Майор отрапортовал начальству о проделанной и предстоящей работе, после чего генерал приказал Новикову ждать звонка для дальнейших распоряжений. Пожарная бригада полностью обследовала территорию, ничего не нашла и начала сворачиваться. Так незаметно подкралась предрассветная синева, в небе загорелись утренние звезды. Воздух наполнился свежими ароматами росы и тумана. Было по-октябрьски зябко: майор Новиков поднял воротник своего плаща, вытащил пачку сигарет из кармана и чиркнул ребристым колесиком зажигалки. Впереди тяжелый день: самое лучшее – это сейчас выкурить хорошую крепкую сигарету. Потушив окуроч, майор забрался в салон своей «Волги», завел мотор и двинул на работу – в сторону городского управления милиции.

Глава 2

До официального рабочего дня оставалось еще много времени, но Новиков решил не возвращаться домой: не хотел будить жену – ей и без того вставать рано, а тут еще с минуты на минуту будут звонить с Петровки. Майор зажег свет в своем кабинете на втором этаже, повесил плащ на вешалку, смахнул с него капли дождя, сдунул с погон легкую осеннюю изморозь и погрузился в кожаное крутящееся кресло у рабочего стола. Теперь можно немного и поспать – чем для этого плох рабочий кабинет?

Рабочее утро началось, как обычно: с чтения телеграмм, оперативной сводки за ночь, затем совещание со следователями и оперативниками. Оставшись снова наедине, Новиков набрал номер Бабашкина, чтобы тот доставил ему все утренние номера городских газет, а затем щелкнул кнопкой электрического чайника – подошло время утреннего завтрака.

Недолго длилась идиллия майора: сначала пошли звонки из горисполкома, где городская управа назидательно-угрожающим тоном читала лекцию начальнику милиции об «особой ответственности майора в сложившейся ситуации и о необходимости в кратчайшие сроки найти преступников». Их можно было понять: через месяц празднование шестидесятилетия Великой Октябрьской Социалистической революции, Солнцево, как лучший город Подмоскovie, награжденный орденом Красного Знамени и ВЦСПС, должен помпезно и без происшествий отметить эту знаменательную дату. А тут такое ЧП, которое язык не повернулся назвать «терактом» ни у начальника милиции, ни у членов городского комитета коммунистической партии: терроризма в СССР нет и не может быть.

Через несколько минут зазвонил телефон центральной связи: это означало одно – высшее начальство беспокоится. Новиков взял трубку, на том конце провода он услышал четкий, грубый командный голос:

- Начальник Управления Внутренних Дел Солнцевского горисполкома майор Новиков Станислав Александрович?

- Здравия желаю! Так точно: с вами разговаривает майор Новиков.

- Я вас услышал, товарищ майор. Вам звонят из приёмной Министерства Внутренних Дел СССР, Огарева 6. Забыл представиться: Майор Воронин. Вас лично желает видеть сегодня же товарищ министр.

- Так... когда...

- Не беспокойтесь, товарищ Новиков: за вами уже выехал транспорт. Ждите. – оборвал на полуслове голос с Огарёва 6, после чего, не прощаясь, собеседник молча положил трубку.

От неожиданности Новиков даже подскочил на своем кресле. Теперь нужно как можно скорее собирать материалы по ночному происшествию: как пить дать министр именно за этим и вызвал. Майор волновался: ему раньше не доводилось быть вызванным на ковёр к высокому начальству, а министра он разве что только на портрете в своем кабинете видел, в газетах и в журнале «Милицeйская жизнь». Суегливо собирая вещи, Новиков гадал, что будет дальше: простой разнос профессиональной линии? По профессиональной и партийной одновременно? Что решит министр? Сдерет погоны и потребует положить партбилет на стол или только сдерет погоны? Ненароком майор подошел к окну и увидел, как на территорию УВД въехала белая милицeйская «Волга» с синими цветосхемами – именно такие на ходу в центральном управлении министерства. Новиков запер свой кабинет, и прихватив, портфель спустился по лестнице вниз, где у крыльца его уже ждали. Майор уселся на заднее сиденье, за ним вежливо хлопнули дверь. Автомобиль развернулся кругом на территории ГУВД и выехал по Боровскому шоссе в сторону Москвы. Пересекли Московскую кольцевую автодорогу, за ней открылась столица. Из окна «Волги» Новиков рассматривал величественные виды Мичуринского проспекта с его просторными тротуарами, бульварами, сверкающими золотом и багрянцем крон деревьев, которых коснулась осень, геометрически правильными линиями высотных новостроек. Где-то недалеко мелькнул шпиль Московского государственного университета: он был совсем рядом, а из Солнцево здание университета кажется таким маленьким, словно игрушечным.

Милицейская «Волга» повернула налево, миновала мост через Москву-реку, а затем строгий каменный Кутузовский проспект. Автомобиль набирал ход, клокотал под капотом двигатель, еще немного и Новиков увидел Калининский проспект – широкий, просторный, с причудливой архитектурой «домов-книжек», подцветкой на фасадах и торцах. А теперь центр города – дугой идет величавый проспект Карла Маркса, отсюда видны Александровский сад, могила неизвестного солдата, Вечный огонь, на горизонте зубчатая красная стена кремля и его зеленые шпили, увенчанные рубиновыми звездами. Проезжая мимо этих мест, Новиков вспомнил, как когда-то давал присягу перед Могилой неизвестного солдата, преклонял голову перед красным советским флагом и штандартом милиции. Где, как ни здесь, чувствуешь каждой клеточкой кожи, свою сопричастность к великой стране, дышишь в унисон с ней, чувствуешь ее волшебный магнетизм, в котором хочется раствориться без остатка. Новиков любил Москву, особенно ее центральную часть. Он сам родился и вырос в подмосковном захолустье возле силикатных карьеров, а сейчас работает хоть и в передовом, но провинциальном городе. Подмосковье серебряным колокольчиком звенит в его душе: оно такое родное, душевное, наивно-трогательное, такое, каким тихая глубинка западает в душу русского человека. Но здесь Москва – город-исполин, но именно здесь он чувствовал титаническое дыхание родины, ее могучие и в то же время страшные крылья.

Тем временем, автомобиль свернул в узкий переулок. «Волга» сбавила скорость, чтобы не зацепить припаркованные машины. Еще один поворот, и показалось кремовое здание архитектуры сталинского ампира – с вычурными лепнинами, исполинскими колоннами, арчатыми фасадами. Это и есть штаб Министерства Внутренних Дел на улице Огарёва. Перед майором вежливо распахнули, дверь, в здании попросили сдать на хранение табельное оружие, и только после этого провели на этаж в приемную министра. Напротив дверей кабинета министра располагался массивный дубовый стол секретаря, одетого в мундир внутренних войск. Служивый поднял трубку, нажал кнопку телефона и сообщил о визите Новикова. Майор стал еще больше волноваться: теребил пуговицу мундира, сжимал ручку портфеля. «Всё... мне конец: пришло время прощаться с погонями. И все из-за какого-то полоумного придурка-антисоветчика. Ну, что: все же одиннадцать лет службы в милиции за спиной – будет, что вспомнить в отставке» – думал про себя Новиков.

- Николай Анисимович ждет вас. – Сказал офицер внутренних войск. Новиков легонько постучался и вошел в кабинет.

- Здравия желаю, товарищ министр! Майор милиции Новиков по вашему распоряжению прибыл! – отчеканил гость.

Стены просторного кабинета были обиты панелями из орехового дерева, паркет застлан ковром. Из-за большого полированного стола к Новикову вышел невысокого роста пожилой человек в генеральском мундире. Русское, по-крестьянски простое, грубоватое лицо – низкий, немного скошенный назад лоб, едва заметные брови, тонкий нос с большими ноздрями, прямой рот поджатыми губами. Темные, тронутые сединой волосы зачесаны назад, глубокие залысины у висков – таким перед Новиковым предстал глава советской милиции Николай Анисимович Щелоков. Министр протянул руку майору, тот в ответ пожал руку министру.

- Здравствуйте, Станислав. Присаживайтесь. – Щелоков указал рукой место за столом возле себя. Новиков послушно выполнил приказ шефа.

- С вашим досье я уже имел честь ознакомиться. Что касается инцидента, произошедшего сегодня ночью, я тоже в курсе дела. Если у вас нет никаких дополнений или важной информации, то предлагаю сразу приступить к делу.

Щелоков выглядел довольно доброжелательным. В его лице, манерах и телодвижениях не было ни капли укора. Он говорил спокойным тоном, с расстановкой. Значит, пронесло?

- Никаких дополнений нет, товарищ министр.

- Тогда приступим. Сразу скажу, что это дело весьма непростое, оно требует особого внимания и переключения сил именно на него. Объясняю почему: данная провокация имеет именно политический подтекст, о чем свидетельствует записка, оставленная на месте преступления. Из этого можно предположить, что мы имеем дело со злоумышленником, принадлежащим к диссидентским кругам. Возможно, он действовал даже не один. Тут ведь вот какой момент еще: накануне празднование шестидесятилетия Великого Октября, центральный комитет партии в эту пятницу собирается на важный пленум – все указывает на то, что те, кто причастны к ночному взрыву, поставили себе цель испортить государственные праздники, деморализовать партию и общество. И это только половина беды. Вы знаете, что рядом с Солнцево расположен Одинцовский район Московской области, а там поселок Заречье?

- Знаю. Товарищ министр.

- А знаете, кто живет в поселке Заречье, рядом с которым у вас в Солнцево происходит какая-то чертовщина?

- Знаю, Николай Анисимович: в поселке Заречье Одинцовского района находится загородная дача нашего генерального секретаря Леонида Ильича и его жены Виктории Петровны.

- Вооот! – ткнул пальцем в полированную поверхность стола Щелоков. Он именно это и хотел услышать от Новикова. – Вы понимаете, в какую опасность сейчас поставлен сам генеральный секретарь и его семья? А что, если преступники и дачу Брежнева взорвут? Такого нельзя допустить ни в коем случае. В январе этого года мы уже проворонили серию терактов на синей ветке метро и на улице 25-го Октября. Конечно же КГБ забрал это расследование себе: они обязательно найдут виновников и за это гэбисты снова получают лавровые венки, а милицию будут поносить, что дескать плохо работаем, ворон на посту ловим. Теперь нам остается одно – нанести ответный удар комитету и доказать, что мы можем и даже лучше. А чем черт не шутит? Может, солнцевские террористы и те, что взорвали поезд в метро, – одни и те же люди? Для этого я вас и вызвал к себе.

Услышав это, Новиков выдохнул: «значит, не будет срывать погоны».

- Я вижу, что у вас, Станислав, есть ко мне какие-то вопросы. Так не стесняйтесь, задавайте. – пристально посмотрел Щелоков на майора Новикова.

- Николай Анисимович, дело политическое... как на наши милицейские мероприятия посмотрят в КГБ? Всё-таки мы-милиция, наш профиль – это жулики и бандиты, а не шпионы, диссиденты и террористы.

- А вот то последнее слово, которое ты произнес, Стас, раз и навсегда забудь! Мы в Советском Союзе живем, а не в какой-нибудь западной Германии или Италии, где вечно что-то взрывается. Терроризм у нас – дело исключительное, я бы сказал казуистическое. Поэтому в документах о происшествии ночью не должно фигурировать ни слово «теракт», ни «террорист» ... про «бандитизм» вообще и думать не смей. Пока что ваш отдел ведет это дело по статье хулиганство, причинение тяжких телесных повреждений и незаконный оборот взрывчатых веществ и оружия. Но, несмотря на весь этот формализм, мы должны понимать, что все же имеем дело с террористами и действовать нужно максимально осмотрительно. Ты все понял?

- Так точно, товарищ министр! Не будем сеять панику в городе!

- Молодец, Стас! Быстро включаешься! – похвалил майора Щёлоков. – А теперь обсудим вопрос с КГБ – пожалуй, он не менее важен, чем поимка преступника. Можешь не сомневаться, что городское управление комитета уже доложило в Москву о взрыве. Теперь жди: «соседи» скоро нагрянут в Солнцево и со свойственной им удалю тоже примутся искать того, кто заложил бомбу у кинотеатра. Всё бы ничего, даже было бы неплохо, если бы кто-то еще нам помогал, но КГБ нам не помощник. Ты ведь коммунист, Стас?

- Да, Николай Анисимович.

- Тогда как коммунист коммунисту: нужно понимать, что Андропов подмял под себя не только службу госбезопасности, он проник при помощи своих агентов практически во все

сферы жизни нашей страны. Андропов расчищает себе дорогу, убирает с пути неудобных. Посмотри, что творится! Нет ни одного ВУЗа, ни одного министерства, ни одного предприятия, куда бы КГБ во главе со своим вожаком не сунул нос. Этот выскочка с тёмной биографией у нас в стране на роли серого кардинала: он ни во что не ставит ни партию, ни государство, ни товарищей. Этот прохвост только и делает, что поет в уши Брежневу, кормит его сказками и обещаниями, а сам медленно, но верно, как спрут, опутывает своими щупальцами страну. Конечно, мы не можем такое произнести во всеуслышание, но факт остается фактом – Андропов и КГБ создали в СССР антигосударственный и антипартийный конгломерат. Поверь мне, Стас: он поистине чудовищный. Мы пришли к тому, что не партия и государство командует винтовкой, а винтовка в лице КГБ командует и партией, и государством.

А дальше что? Наш дорогой Леонид Ильич серьезно болен: это знают все, в том числе и ты, хотя в газетах об этом не пишут, по радио не говорят. А что, если Брежнев совсем ляжет? Что будет со страной? КГБ придет к власти, и мы из семидесятых годов откатимся в тридцать седьмой? Нет уж! Насмотрелись! Нахлебались крови! Достаточно! Еще одного Сталина в лице Андропова страна не вынесет. Сташилок я тебе наговорил, да?

- Вы все по делу говорите, Николай Анисимович. Вот бы никогда не подумал, что однажды придется разговаривать с вами в одном кабинете. Даже интереснее с вами вживую пообщаться, чем читать отредактированные статьи в газетах.

Эти слова от подчиненного Щёлокову было лестно о себе услышать. Он даже заулыбался.

- Но не будем отчаиваться! Не все, чего касаются зубы Андропова, они могут раскусить. Вот, например, я и моя милиция ему в очки кукиш каждый раз сует. Уж мы-то, МВД, никаких чекистов не боимся. Если надо, то мы им сами такое покажем, что вся их Лубянка на бок завалится! Я склонен доверять своим людям и их профессионализму. Наш уголовный розыск порой сто очков вперед дает хваленым чекистам. Да ведь ты и сам, Станислав, из уголовного розыска пришел!

- Как говорится, «мы и сами с усами». – расплываясь в улыбке поддакивал Щёлокову Новиков.

- Вот и хорошо! Можем считать. Что мы с тобой уже сработались! Теперь перейдем к деталям. Первое, что необходимо – это действовать своими силами, максимально скрытно и максимально незаметно от чекистов. Они будут пытаться наблюдать за милицией и за тем, как мы ищем террориста, а мы, в свою очередь, будем наблюдать за действием чекистов. Посади им «наружку» на хвост: чтобы отслеживали их с утра до ночи. Если своих средств не хватит, то я пришлю резервы – об этом ты не переживай.

Второе: по максимуму выяви тех, чьи телефоны нужно взять на прослушку. За судебный и прокурорский ордер можешь не беспокоиться – я сам лично позвоню кому надо, а ты, самое главное, без замедления начинай работать. В крайнем случае, бумаги подпишем задним числом... и, самое главное, - постарайся «повесить уши» на местное управление КГБ. Материалы у себя не храни: все записи переговоров КГБэшников тут же отсылай нашим на Петровку 38 или напрямую ко мне на Огарёва 6.

- Но чекисты и нас могут тоже прослушивать, Николай Анисимович.

- Что значит «могут»?! Они будут прослушивать и твое ГУВД, и оперов, и следователей, и тебя самого. Выкормыши Андропова сделают все, чтобы опередить нас, в том числе путем откровенного воровства наших разработок. Поэтому по городской телефонной линии ничего лишнего не говорить. Всю конфиденциальную информацию по этому делу ты будешь передавать лично мне или моему первому заму – начальнику всесоюзного уголовного розыска товарищу Чурбанову. Кстати, Стас: где та записка от террориста?

- У меня в портфеле с собой, Николай Анисимович.

- Отлично! Давай ее мне: наши спецы с Петровки с ней поработают, но о факте ее обнаружения никому ни слова – никакой бумажки на месте взрыва не было. Ты понял?

- Так точно! Понял!

- Если еще будут записки – также передавай их или мне лично или Чурбанову.

Обратно в Солнцево майора Новикова отправили тем же транспортом. Белая милицмейская «Волга» неслась по Мичуринскому проспекту в сторону области. Все это время Станислав про себя размышлял. Щёлоков только что впутал его в весьма опасную игру, но был ли выбор у Станислава? Конечно же, он не мог отказать. Во-первых, потому что Щелоков – это шеф «всея советской милиции», а кто станет отказывать шефу, тем более в такой иерархичной полувоенной структуре как МВД? Во-вторых, сам Новиков был заинтересован в поимке террориста: в противном случае он лишился бы погон. Ну, и в-третьих: разве можно отказать человеку, стоящему в двух шажках от кресла генсека? Придет время и Щёлоков станет во главе всего огромного советского государства, а Новиков будет вспоминать, и рассказывать всем о том, как однажды в 1977 году, выполнял тайное поручение того, кто сейчас из Кремля вершит судьбы миллионов людей.

Глава 3

Пока милицмейская «Волга» пересекала МКАД, направляясь в сторону подмосковного Солнцева, стрелки старинных часов на прямоугольном здании персикового цвета, расположенного рядом с Площадью Дзержинского, показывали три часа дня. Подполковник 2-го главного управления Комитета Государственной Безопасности Томшин возвратился с обеда. Расположившись поудобнее в деревянном с мягкой обивкой кресле, он снова принялся перелистывать кипы бумаг, что-то откладывал в сторону, на некоторых ставил подписи простым карандашом. За весь рабочий день Томшин утомился: он приоткрыл занавеску и посмотрел в окно. К середине дня погода разгулялась: тепло, светло, золотистые блики солнца играют на металлических крышах и каменных фасадах домов. Подполковник распахнул форточку, в душный кабинет ворвались потоки ветра, уличный шум, далекие голоса прохожих, клаксоны автомобилей. «Сейчас бы прогуляться пешком, без машины и без сопровождающих» - подумал про себя Томшин, вздохнул и снова запер окно, чтобы лишний раз не травить душу. Он мгновенно бросил взгляд на свои наручные часы, лежавшие на рабочем столе – до шести вечера, когда начнется обход дежурного офицера еще аж целых три часа!

Томшин снова уселся за свой стол и принялся затачивать карандаш перочинным ножиком. В это время раздался треск черного винтажного телефона. «Не к добру» - подумал Томшин. Но делать нечего: пришлось подняться и взять трубку. На той стороне провода секретарь-пограничник бегло бросил Томшину: «Юрий Владимирович вас ждет через двадцать минут».

Это означало, что Томшина зачем-то вызывает председатель КГБ Андропов. Но в чем такая спешность, да и еще ближе к концу рабочего дня? Да и почему именно он, а никто иной? Ведь Томшин не занимал высокой должности в комитете.

Уже через несколько минут подполковник шагнул по узким, тускло освещаемым коридорам «Лубянки». Затем сумрачный лифтовой холл. За металлической решетчатой дверью, выкрашенной серой краской что-то задребезжало, затем загудело. Наконец раздался щелчок, что-то треснуло, и из-за решетки сверкнул электрический свет – это приехал лифт. Томшин вошел в кабину, закрыл за собой поочередно металлические и деревянные двери, затем нажал нужную кнопку. Лифтовая кабина снова колыхнулась и с урчанием поползла на административный этаж. Тут снова холл, охраняемый несколькими офицерами погранвойск, которые после звонка по телефону получили какое-то распоряжение и принялись выписывать Томшину пропуск. Получив его, подполковник прошел еще один коридор и очутился в приемной председателя. Секретарь-пограничник доложил о визите гостя, после чего пригласил его войти в кабинет Андропова. Юрий Владимирович уже ждал Томшина. Увидев его, он легонько улыбнулся, протянул руку и пригласил сесть за небольшой журнальный столик.

- Прошу прощения, Юрий Владимирович, что я к вам без мундира. – с некоторой долей стыдливости произнес Томшин. Андропов, развалившись в кресле, закинув одну ногу на другую, успокоил собеседника:

- Не стоит беспокоиться, Вадим Сергеевич. Вы, кажется, четыре года прослужили на Черноморском флоте, судя по вашему досье? Вам за это время разве не надоели все эти условности, мундиры и прочее? Лично я полагаю, что четырех лет вполне достаточно. В нашей с вами службе особая специфика: тут солдафонские штуки не только бесполезны, но даже будут в некоторой степени мешать. Поэтому пора бы чувствовать себя в штатском лучше, чем в военном мундире.

Андропов усмехнулся и будто бы подавая пример, поправил свой галстук и лацкан пиджака. Томшину уже приходилось встречаться с председателем комитета, но, правда, это было всего один раз, да и это был не Андропов, а его предшественник Семичастный. Теперь же подполковник мог собственными глазами лицезреть одну из самых могущественных политических фигур Советского Союза: большая голова, высокий лоб, залысина на макушке, седые, практически белые, как вата, оттопыренные на висках волосы. Лицо Андропова было бледным, несколько отекившим. Из-за массивных очков с крупными диоптриями на Томшина смотрели металлически холодные, пронзающие собеседника насквозь, но в то же время утомленные, усталые светлые глаза. Крупный нос с острым кончиком, спускающимся книзу, и рот с пухлыми губами, кончики которых опускались книзу, придавали лицу Андропова надменно-пребрежительное выражение.

Кабинет председателя не отличался шиком: простой письменный стол «под орех», стандартный комплект стульев, деревянные панели на стенах, знамя в углу, за занавеской две большие глянцевые карты – на одной Советский Союз, на другой зарубежная Европа. В углу простенький камин, секретер и старая печатная машинка. Чуть поодаль от его рабочего стола – длинный стол, покрытый сукном цвета моренго, предназначенный для собраний коллегии комитета. На все это молчаливо смотрят Брежнев и двое Дзержинских: один с портрета над столом Андропова, а другой в виде большого гипсового бюста у стены, напротив окна.

- Настаиваю на том, чтобы сразу перейти к делу. Уверен, что ваши навыки и опыт помогут нам решить предстоящую задачу.

- Будем стараться, Юрий Владимирович. Благодарю вас за оказанное мне доверие.

- И так, мой друг. – начал Андропов в привычной для себя манере называть коллег по службе и даже некоторых осведомителей, не состоящих в штате КГБ, эпитетом «друг». – Поступили оперативные сведения о том, что в подмосковном городе Солнцево, расположенном юго-западнее столицы, в ночь с понедельника на вторник прогремел взрыв. Как нам удалось узнать, самодельное взрывное устройство было заложено возле здания городского кинотеатра. Пострадавших двое – они получили ранения, однако остались живы, в настоящее время проходят лечение в городской больнице в Солнцево. Преступника, естественно, найти пока что не удалось. Но вот, что меня смущает: Солнцево географически близко находится от Одинцовского района Московской области, где в поселке Заречье живет наш генеральный секретарь Леонид Ильич. Не могу не проявить излишней осторожности: данный теракт мог быть делом рук иностранной разведки. Возможно, за кордоном решили, что если Брежнев не идет на уступки по вопросу о стратегическом ядерном оружии в Европе, то какие-нибудь лихие головы в Вашингтоне, Лондоне или Бонне решили исправить это таким вот грязным путем. Но, в то же время, если взять эту версию за основную, то у меня возникают новые вопросы. Почему агенты иностранных спецслужб расходовали свои силы и средства напрасно, тратя время на подрыв какой-то шпаны, которая просто шлялась ночью по улице? Почему они не предприняли попытки сразу и без лишнего шума и следов, профессионально устранить Брежнева? И третий: если те двое выжили после взрыва, кинотеатр вообще не пострадал, а лишь был повален портрет генсека, то напрашивается вывод – заряд бомбы слишком мал: ее изготовили кустарным

способом из примитивных компонентов. Это крайне нехарактерно для почерка иностранных спецслужб. Тогда что это если не происки вражеских агентов? Не факт, что это как-то связано с январскими терактами в метро и на улице 25-го Октября. Тут нельзя исключать также вероятности действия крайне радикальных группировок диссидентов.

- Диссиденты? – переспросил Томшин.

- Я знаю, что ты подумал, друг: про пятое управление КГБ, которое занимается диссидентами. Если твои опасения подтвердятся – тогда нам очень повезло, и мы передадим дело в «пятку». А что, если тут замешаны внешние силы? Тогда нужно начать с контрразведки: для этого я тебя, Вадим Сергеевич, и вызвал.

- Не могу не согласиться с вашим ходом мыслей, Юрий Владимирович. Сколько вы мне даете времени, чтобы приступить к заданию?

- Собирайте оперативную группу, связывайтесь с солнцевским городским управлением КГБ. Завтра еще раз обсудим наш план действий. А сейчас, именно тебе, Вадим Сергеевич, даю информацию к размышлению. Наши перехватили телефонный разговор между Щелоковым, прокурором и судьей города Солнцева. Этот старый интриган уже выписывает задним числом различные бумажки своим ментам. Те явно что-то знают, но по наущению Щелокова будут комитету всячески вставлять палки в колеса. Поэтому готовьтесь к такому ходу вещей.

- Опять дед в свои игрушки играет? – иронично спросил Томшин.

- Другого от Щелокова и не стоило ожидать. Сейчас он ухватился за эту историю со взрывом, чтобы побыстрее ее раскрыть с помощью своего уголовного розыска, а потом отчитаться перед Брежневым, какой он и молодец – как спас его дачу в Заречье и начнет клянчить назначение в политбюро. Я Николая насквозь чую – на расстоянии вижу его каждый дальнейший шаг. Тоже мне! Вошел в образ царей Романовых, обложился побрякушками. У Щелокова нужно выбить корону из рук до того, как он ее наденет на свою голову. Иначе нам и всей стране конец: все прогнет окончательно, как и его МВД. А он, тем временем, будет спектакли смотреть, ума всем давать и превращать советское государство в наследственную монархию династии Щёлоковых, только под красным флагом с серпом и молотом.

Оперативная группа Комитета Государственной Безопасности во главе с подполковником Томшиным разместились в конспиративной квартире на шестом этаже высотки близ здания солнцевского горкома. Помимо самого Томшина в ней были также майор Шакун, капитан Соловьева и капитан Ишутин. По легенде они были журналистами одной из комсомольских газет Смоленской области. В Подмоскowie они якобы собирали материалы, воспоминания участников битвы за Москву и трудовые подвиги тыла во время Великой отечественной войны. С первого же дня они приступили к своей задаче. Служба госбезопасности в первую очередь отрабатывала тех лиц, которые себя чем-либо политически скомпрометировали. Так, в первую очередь капитан Ишутин и Соловьева нагрянули по адресу, где жил некий Всеволод Лисин. Молодой человек двадцати четырех лет некогда учился в Московском Государственном Университете, где познакомился с компанией хиппи. Вскоре новые увлечения и друзья оттеснили с первого места учёбу: Всеволод начал систематически прогуливать, нередко его видели пьяным. Тайком эта группка «детей цветов» слушала глушимое в СССР иностранное радио, затем пошло дальше: самиздат, листовки антисоветского содержания. В итоге эта деятельность вскрылась: Всеволода отчислили из института и исключили из комсомола. Однако, именно это и стало точкой невозврата: лубочная система санкций превратила практически аполитичного юношу, который если, как и соприкасался с миром Запада, то только из праздного интереса, в лютого антисоветчика. Он еще больше оттрастил себе волосы, стал носить кольцо в носу, в своей комнате на ковре повесил огромный самодельный американский звездно-полосатый флаг. Тут и началось: частая смена работы, пьянки, загулы, визиты участкового. Как ни старались Ишутин и Соловьева склонить молодого человека к сотрудничеству – ничего не получалось: в ответ

им летели проклятия, грязная брань, внезапные порывы истерического хохота, когда ему тот или иной вопрос сотрудников КГБ казался странным. Единственное, что удалось вывести, что к нему уже приходили из органов, но только из милиции. Спрашивали то же самое: про то, чем он был занят в ночь с понедельника на вторник, слышал ли он какой-то шум на улице, слышал что-нибудь о взрыве? Всеволод отнекивался, пытался соскочить с разговора. Складывалось впечатление, что молодой человек и правда ничего не знает о произошедшем. Ту же догадку подтвердили записи его разговоров по телефону. Так вариант с Лисиным решено было оставить.

Следующей личностью, которой заинтересовались товарищи из КГБ, был некий Спиридон Захарович Филиппов 1921 года рождения. Он проживал в коммуналке по Боровской улице. Соловьева и Ишутин не без чувства опаски прошли в квартал деревянных двухэтажных бараков. Страшные покосившиеся, просыревшие и протухшие плесенью дома, заросли бурьяна в палисадниках, громадные лужи, стихийно образовавшиеся кучи мусора. В этой, самой неприглядной части города, жила наиболее проблемная публика, создававшая головную боль для городских властей, и, портившая общую статистику. К слову, бурные темпы строительства в Солнцево постепенно подбирались и сюда. Кварталы, зажатые между Боровским шоссе, ведущим в сторону аэропорта, и железной дорогой, обещали в обозримом будущем пустить под бульдозер, а на их месте возвести «3й микрорайон Солнцева», состоящий из нескольких многоэтажек, школ и детских садов к ним. Набережную Окунева пруда предлагалось облагородить, проложить асфальтовые дорожки и сделать все это прогулочной зоной. Но пока что в эту часть города было опасно забрести в темное время суток. Впрочем, и днем, на чужаков тут смотрели косо, а то могли и вообще ограбить или избить ради забавы.

Озираясь по сторонам, капитан Ишутин и капитан Соловьева добрались до одного из бараков, где проживал интересующий их гражданин Филиппов. На самом деле его настоящая фамилия была Денисин, а родился он не в Наро-Фоминске, как гласили данные паспорта, а в одной из деревень Смоленской области. Причиной этому было то, что в годы войны Денисин по некоторым данным сотрудничал с немцами. Доказать это толком не смогли, однако присудили четырнадцать лет лагерей. Отбыл Денисин, правда, только восемь лет, а летом пятьдесят третьего года освобожден по амнистии. Из родной деревни, куда он вернулся, Спиридона Денинина изгнали местные жители, так началась его новая страница жизни, где он бродяжничал, занимаясь мелкими кражами, а, может быть, и разбоем. Долго это не продолжалось: Денисин был снова схвачен милицией, и только лишь гуманистическая политика Хрущева в отношении бывших узников лагерей, помогли Денисину хоть как-то вернуться к нормальной жизни. Так произошли кардинальные изменения в его имени и биографии.

Старик открыл дверь неохотно. Узнав, что перед ними сотрудники газеты, Денисин-Филиппов обложил их матом и едва не вытолкнул из комнаты. Дело спасли удостоверения сотрудников КГБ. Поняв это, нелюдимый старик сник, сбавил обороты и впустил гостей. Комната представляла собой ужасное зрелище: грязный пололок, в углах которого топорщилась плесень, кровать с металлической сеткой, застеленная покрытым желтыми пятнами матрасом и несвежим бельём. Под ногами скрипел песок – пол в комнате никто никогда не мыл. На швах старых рваных обоев следы потеков и ржавчины. Повсюду стояли какие-то замызганные стеклянные трехлитровые банки, множество бутылок из-под распитого алкоголя, воняющие тухлой рыбой консервные банки, и пустые пачки из-под сигарет. В воздухе комнаты царил смрад от перегара, несвежей еды, старческого немытого тела и табачного дыма.

- Что вы ко мне пристали? Ничего я не знаю: книжек не читаю, в церковь не хожу, а газетами вашими большевистскими подтираюсь. – негодовал Денисин-Филиппов, не упуская шанса задеть сотрудников КГБ.

- Как вы поняли, мы не из газеты. А вам, гражданин Филиппов, лучше с нами сотрудничать, учитывая темные факты вашей биографии. – склонял к разговору старика капитан Ишутин.

- А то что? В Магадан меня сошлете? Мне все равно где умирать: да хоть бы даже и в тюрьме.

- Я так понимаю, у нас с вами разговора не получится? – вышла из себя капитан Соловьева.

- Я уже вам все ответил из того, что знал. Вы задаете такие вопросы, будто я хожу по кинотеатрам, тем более ночью. Я уже часов в восемь-девять вечера иду на боковую, а что там случилось – это мне неизвестно.

- А вы разве не общаетесь ни с кем, даже в пивной? Возможно, вы слышали, что кто-то обсуждал это происшествие.

- Ну, да: милиции было много. Шпана хлопнушку в бутылку засунула – вот и посекло их. Дураки!

- А сами вы никого в городе не знаете, кто бы, как и вы были негативно настроены против советской власти? Подумайте хорошенько: возможно, эти люди рассказывали вам какой-либо политический анекдот или давали почитать брошюрку? Такое было?

- Думаете кто-то в этом городе стоит меня? Тут живут одни трусы, которые боятся ваших большевистских вожаков, засевших в Кремле. Я же был честен до конца: ненавидел вас и резал как свиней. У меня был свой счет убитым мною краснопузым пратризанам: всего я зарезал и расстрелял шестьдесят два человека. При этом я не преклонялся перед немцами, как делают многие из тех, кем вы занимаетесь. Те любят Америку, а я любил только свое село, свое хозяйство и ненавидел колхоз. Думаете, я немцев почитал? Неа! Они мне были скорее, как попутчики!

Офицеры госбезопасности наблюдали за этим человеком: в этом спившимся и опустившимся старике трудно было теперь узнать душегуба и палача, который и теперь, тридцать лет спустя с радостью и гордостью рассказывает о своих злодеяниях.

- И что? Прямо таки никто с вами не обсуждал вашу полицейскую молодость? Никто не сочувствовал вам?

- А кому я это все расскажу? Тут же большевистские свиньи побегут и доложат обо всем в милицию. Ментура, к счастью, ничего не знает о моем прошлом – это даже хорошо. Единственное, что это вы, гэбисты, знаете все и взяли с меня слово никому ничего не рассказывать. Вот я и молчу уже больше двадцати лет. Думал порой, что вы про меня уже забыли, а тут и нет! Вот вы и пришли обвинять меня в том, что это якобы я научил тех олухов хлопнушку в бутылку засунуть.

Так бесплодно закончился визит и к этому подозреваемому. Чекисты вернулись на конспиративную квартиру. Тут пришлось убедиться, что старик не врал, отнюдь не фантазировал и не ёрничал, когда утверждал, что те хулиганы, пострадавшие от взрыва у кинотеатра просто «засунули хлопнушку в бутылку»: местная городская газета успела напечатать коротенькую заметку на последней странице в графе «происшествия». В ней говорилось, что в ночь с 3-го на 4-е октября у кинотеатра «Юность» два хулигана решили позабавиться, поместив хлопнушку в стеклянную бутылку, отчего та разорвалась и посекала осколками незадачливых экспериментаторов. Художники даже сделали карикатуру на двух пострадавших.

- Вот видите, товарищи? – говорил подполковник Томшин. – В городе об этом происшествии решили умолчать. Администрация, конечно, всё правильно делает – нечего пугать людей и разводить панику. Но, с другой стороны, скудость информационных данных и чем больше она скрывается от людей, тем меньше материала, с которым мы можем работать. А пока что ничего: горьком старательно делает вид, что ничего особенного не произошло, усердно готовится к Седьмому ноября, репетирует праздничный парад. Мы перехватили любопытные пере-

говоры секретариата горисполкома и начальника городской милиции. Парткомовцы буквально устроили ему бомбардировку звонками, требуя скорейшего решения вопроса. Тот отбрёхивается, говорит, что сам ездит по адресам, расспрашивает свидетелей. Не знаю, как ему это удастся, но точно выяснили, что майор Новиков под видом оперативной работы в городе просто сбегает с работы и отсиживается в своей квартире – лишь бы его только от него отстал горисполком. Вот как получается: все делают вид, что ничего не происходит, а в реальности все боятся повторения событий. И у меня есть предчувствие, что не зря они этого боятся.

Глава 4

Майор Новиков увлекся домашней экспозицией полковника в отставке Рассказова. Его частный дом в садовом товариществе «Труд» хоть и был неприметным на фоне остальных строений, но внутри представлял собой настоящий музей. Практически все комнаты были превращены в залы, посвященные той или иной тематике. Самая большая была в довольно роскошной гостиной, обставленной мебелью в стиле конце 19го –начала 20-го века, картинами, мраморными бюстами, панелями из красного дерева. В гостиной также был неплохой камин, со вкусом выложенный кафелем под национальную русскую роспись, и украшенный бронзовой инкрустацией. Под деревянным потолком висела шикарная трехъярусная хрустальная люстра.

Тут были собраны хоругви, знамена, флаги Русской Императорской Армии, имелись манекены, одетые в тематические мундиры дореволюционной эпохи и в униформу красноармейцев времен гражданской войны. Повсюду стояли мраморные и бронзовые бюсты великих русских полководцев, на стенах висели портреты царских и советских военачальников, увеличенные черно-белые фотографии начала 20-го века, ну, и, конечно же, картины с изображением батальных сцен.

Еще более интересными были экспозиции, посвященные русской колонизации Средней Азии, походам на Балканы и Крымской войне. Именно они вызывали больше всего внимание со стороны начальника городской милиции. Не уступали в любопытстве и оперативники во главе с капитаном Бабашкиным. Тут, и правда, было на что полюбоваться: помимо редких артефактов в виде медалей, наградных крестов и прочих орденов царской армии, были еще и походные иконы, старинные винтовки, искусно выкованные турецкие, бухарские и хивинские сабли. Неизвестно откуда тут были и английские пистолеты 19-го века, и даже английский пробковый шлем.

Полковник Рассказов в прошлом был кадровым офицером артиллерийских войск, прошел всю войну от Москвы до Берлина, являлся Героем Советского Союза. Помимо всего полковник был старым партийцем, верным сталинцем, что способствовало взлету его военной карьеры. Некоторые трудности начались у Рассказова сразу же после смерти «отца народов»: полковника стали все больше отодвигать за задний план, а после XX-го съезда КПСС в 1956-ом году и вовсе едва не исключили из партии за «недостаточное понимание важности партийного строительства и непонимание опасности культа личности». Окончанием военной карьеры Рассказова можно считать конец эпохи Хрущева, когда вместе с министром обороны маршалом Жуковым, за излишнее служебное рвение с пьедестала полетели вниз многие генералы и офицеры. Такая же судьба постигла и Рассказова, а ведь ему оставалось всего чуть-чуть до генеральского чина. Опального полковника даже лишили дачи в Серебряном Бору: вместо нее он получил дом за пределами столицы – в рабочем поселке Солнцево.

Теперь Рассказов – военный пенсионер: чинный, важный, с некоторой долей высокомерия и чванливости. Помимо коллекционирования армейского антиквариата, он увлекается садоводством, пишет мемуары и альманахи, правда, в стол – почти никому их не показывает. Рассматривая фотографии сороковых годов, на которых запечатлён полковник, и, сравнивая их с тем, что представлял нынче Рассказов, Новиков гадал: какие же метаморфозы произошли с этим человеком в течение тридцати лет? Какие перемены души блеснули в нем так, что

из простоватого на вид офицера-артиллериста с крестьянским лицом и добродушной белозубой улыбкой, он превратился в напыщенного щеголеватого генерала Русской Императорской Армии?

- А это – гордость моей коллекции: настоящая английская винтовка с именной росписью. – хвастался Рассказов. – Не подумайте, товарищ майор, что это что-то незаконное: мне ее подарил мой старинный друг, который в советском посольстве в Иране работает. Чисто подарок и ничего больше! Вы же меня знаете!

- А мы ничего и не говорим: просто интересная у вас коллекция. Опасно, я вам скажу, таки вещи дома держать. Не только потому, что о бело-сине-красных флагах, царских штучках и о неучтенном нарезном оружии может узнать КГБ, но и из чисто практического свойства: антиквариат как мёд влечет жуликов и прочую нечисть.

- Мой дом все равно на территории садового товарищества находится, поэтому проникнуть сюда незамеченным не получится. Вот если бы это был загородный дом возле леса на отшибе, на манер тех, в которых обосновались партийные бонзы, тогда бы у меня был повод беспокоиться.

- Люди кругом – это хорошо. У вас, Вячеслав Фёдорович, кстати сказать, ничего из коллекции не пропадало? – включился в разговор Бабашкин. – Возможно, там патроны или порох исчезли, или вы положили их вроде на видное место, а потом забыли и не смогли найти?

- Знаете ли, молодой человек, я хоть и в годах, но старческого размягчения мозга у меня пока что нет. – с упреком в голосе ответил Рассказов.

- Я это... на всякий случай спрашиваю. Вдруг у вас ружьишко какое-нибудь пропало, а вы ищите. Мы ведь поможем найти если что. – ретировался Бабашкин.

- А про ваше это все мы никуда заявлять не собираемся. Вы же меня знаете, Вячеслав Фёдорович. – добавил Новиков.

- Вы про «синие околышки»? Мне их что бояться? Я – честный коммунист, преданный делу Родины и партии. Да: у меня имеются особые соображения насчет отечественной истории и ее монархического периода. Я был сталинцем и умру сталинцем. Но нужно не иметь чести и совести, чтобы обвинять меня в антигосударственной деятельности.

- Не боитесь, значит, КГБ?

- Не боюсь. Всегда презирал НКВДэшников... простите меня, старика: вы, милиция, из этой же конторы исторически происходите, что и КГБ.

- А всё же: как к вам через границу все это попадает? А вдруг какой «канал» выявят? – продолжал Новиков.

- «Канал» поразительно прост: дипломатически посылки никто не досматривает. Поэтому в них туда-сюда возят что хотят. Этим, кстати, и КГБэшники, работающие при посольствах, балуются: в том числе и иностранную валюту в Союз возят. Но это я вам по секрету сказал.

- Могила! – ухмыльнулся Новиков. – А ядра какие-нибудь не пропадали у вас?

- Ядра? Да откуда они у меня? Никакой взрывчатки дома нет и быть не может. Ружья и те – давно непригодны для стрельбы.

- Не думали сдать все это в музей? – спросил Бабашкин.

- Кто бы принял? Наши идеологи вычеркивают века собственной истории. Так что все артефакты времен Российской империи в любом случае отправятся на свалку. А жаль!

- Никто не приходил к вам, не выспрашивал по поводу вашей коллекции? Может, кто-то интересовался эсерами? Помните ли, были такие в царское время: вечно что-то взрывали?

- А у вас что? Что-то взорвали или оружие какое ищите? – ответил Новикову Рассказов.

- С чего вы взяли?

- Нетрудно догадаться, товарищ Новиков. Если вы о том взрыве возле кинотеатра, то я решительно ничего не знаю. Слышал, мол, шпана то ли хлопушку взорвала, то карбидом баловались.

- Это верно... - вздохнул Бабашкин. – А ваши товарищи-сталинсты что говорят?

- Вы считаете, что это они? Вы глубоко ошибаетесь, молодой человек, что последователи товарища Сталина опустятся до такого, чтобы безобразничать в городе или что-то взрывать. Все мои знакомые, кто не разделяет итогов преступного XX-го съезда партии, не способны на такое. Да: каждое 5 марта и 9 декабря мы возлагаем цветы к могиле Иосифа Виссарионовича, и поливаем их красным грузинским вином, но против советского государства ничего не имеем.

- Вы уверены?

- Абсолютно.

- И если что-нибудь нехорошее о них узнали, то сообщили бы нам, в милицию? Не в КГБ.

- Могу за них ручаться.

- Вы не думайте, что современные сталинисты – это какие-то отщепенцы, реликт 30-х годов: не ведитесь на глупую казенную пропаганду. Иначе сами попадете впросак.

- В каком это смысле? – переспросил Новиков.

- Конечно, мы не разделяем нынешнего кура партии и государства, а нынешнее положение вещей считаем грубым, наглым и мерзким извращением марксизма-ленинизма. Все эти Косыгины, Сусловы – это политические карлики, у которых хватает духа разве что плевать в труп умершего льва. Хоть мне и неприятен товарищ Брежнев, но не так отвратителен, как все прочие члены политбюро. Леонид Ильич все больше задумывается о реабилитации Иосифа Виссарионовича. Обратите внимание, как стало много в последнее время лестных слов о нем, иногда в газетах в позитивном ключе пишут. Надеюсь, скоро страна отринет маразм Хрущева и возвеличит гений лучшего из правителей России.

- Поживем-увидим. – ответил Бабашкин.

- А кто-нибудь из ваших знакомых что-то антисоветское говорил? Или, может, на улице иди в пивной какой-то разговор подозрительный слышали? – спросил Рассказова Новиков, вытащив из ножен один из кинжалов.

- Повсюду слышал. Об этом только ленивый не говорит. Что вы хотели, если народ видит правду? Обмельчала наша страна, обмельчала партия – никакой идеи, никакого энтузиазма. А все почему? Потому что в пятидесятых не на ту дорогу свернули. В наших братских странах соцлагеря, которых мы освобождали, страны которых лежали в руинах, сейчас живут лучше, чем мы.

- Это ваши наблюдения?

- Не только мои. Слышали анекдот?

- Давайте!

- Мальчик спрашивает отца: папа, а зачем мы, советские рабочие, добываем глину? – Чтобы монгольские пастухи делали из них свистульки и растили овец. – А зачем монголам делать свистульки? – спрашивает мальчик. – А чтобы при помощи этих свистулек гнать стада овец в Югославию, где из овчины югославы дубленки будут шить. – Отвечает отец. – А зачем югославам дубленки? – чтобы продать их немцам и купить на эти деньги их машины. – А зачем немцам дубленки? – Чтобы вкладываться в советскую глинодобывающую промышленность и советские люди могли добывать глину. – Ответил отец

- Главное, чтобы «синие околышки» не рассмеялись, услышав этот анекдот. – прокомментировал Новиков.

- А разве народный эпос не прав? – настаивал на своем Рассказов. – Меня не так давно выбесил врач из нашей детской поликлиники. Знаете ли, у меня растет внучка. Тут нужно было в поликлинику к хирургу ее сводить. А там сидит такой доктор – боров, килограммов сто – не меньше. Я его даже не трогал, а он ни с того ни с сего начал поносить и политбюро,

и центральный комитет. Говорил, что в Чехословакии люди пиво хорошее пьют, да колбаски жрут, а наша еда в магазинах – помои. Уж не знаю, насколько он любит из помойки питаться, что такую тушу наел! Второй подбородок больше первого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.